

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: МЕТОДОЛОГИЯ И ПРИМЕНЕНИЕ

Белов Алексей Николаевич

Гончарова Татьяна Николаевна, к.и.н., доцент
(научный руководитель)

*Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории
(г. Санкт-Петербург)*

Аннотация. Данная статья призвана обобщить и систематизировать разрозненные сведения о ключевых методах социальных исторических исследований. Основываясь на новейших достижениях западной и отечественной историографии, автор показывает существенную значимость дискурс-анализа как главного инструмента по изучению общественных настроений той или иной эпохи; пониманию сущности взаимоотношений между государством и социумом. При этом подчеркивается, что тактика подобных изысканий может значительным образом различаться от случая к случаю ввиду индивидуальности конкретных исторических реалий.

Ключевые слова: дискурс-анализ, социальная история, общественное мнение, коммуникация, методология истории.

Новейшее время в каком-то отношении вполне может быть названо «веком социологических опросов». В условиях глобализации и массовой политики общественное мнение с каждым годом приобретает все более и более серьезное значение. В этой связи закономерно востребованными становятся исследования, рассматривающие социальные взгляды прошедших эпох. Однако, по весьма объективным причинам, провести опрос среди давно умерших людей не представляется возможным [4, с. 9–16]. Очевидно, здесь необходимы иные методы познания истории.

Одним из них является дискурс-анализ. В последние годы этот термин стал настолько расплывчатым и неопределенным [8, с. 5–12], что необходимо для начала рассмотреть, что, собственно, имеется в виду. В целом, дискурс есть способ общения и понимания окружающей реальности [7, с. 18]. Однако в контексте исторической науки это, прежде всего, выраженный словами продукт коммуникативной деятельности, находящийся в заданном временном, социальном, культурном и политическом контексте. Дискурс способен определять социальные нормы, сознание каждого отдельного индивида, его взгляд на действительность [6, с. 128]. Научный анализ дискурса междисциплинарен и включает в себя философские, социологические, семиотические, лингвистические, теоретические и конкретно-практические методы, неотделимые друг от друга. Главная цель подобного анализа –

выяснение социальных последствий того, что и в каком контексте было написано или фактически сказано. Реальность, настоящую и ушедшую в прошлое, невозможно рассматривать вне ее дискурса [7, с. 49], поэтому именно его анализ позволяет увидеть прошлое таким, каким оно действительно было. Через призму результатов подобного исследования возможно понимание подлинного восприятия тех или иных явлений, событий, процессов, личностей их современниками. Отсюда вполне явственными становятся настоящие мотивы тех или иных политических деятелей, реальная социально-экономическая и культурная обстановка, ее влияние на ключевые исторические процессы. В упомянутой выше книге совершенно справедливо замечается, что все наши знания (как и знания наших предков) условны и зависят от среды обитания, а также от иных абстрактных факторов [7, с. 24]. Точно так же условно и отношение к политике, экономике, социальным движениям и даже повседневной реальности. Таким образом, указанный метод позволяет понять особенности этой условности.

М. Йоргенсен и Л. Филиппс приводят три основные категории дискурс-анализа: дискурс по Э. Лакло и Ш. Муффу (т.н. дискурсивная теория гегемонии) [7, с. 53–69], дискурсивную психологию [7, с.163–166] и критический дискурс-анализ (КДА) [7, с.108].

В рамках применения подобных структур в исторической науке наиболее разумно обратиться к последней из них. По мнению М. Йоргенсена и Л. Филиппса, она «содержит методы для... исследования отношений» между дискурсом и связанным с ним социокультурным фоном [7, с. 109]. Всего приводится пять подобных методов. Первый, лингвистико-дискурсивный способ, анализирует характер социальных процессов и подразумевает под собой то, как создаются и воспринимаются различные тексты. Другой рассматривает дискурс как объект и субъект в отношениях с обществом, как то, что конституирует и чем конституируется дискурс. Не менее важным является и эмпирический анализ языка в его социальном контексте. Наконец, не следует обходить вниманием идеологическое действие дискурса, а также его возможное объяснительно-критическое исследование [7, с. 109–114].

Нидерландский лингвист Тен ван Дейк же подходит к методологии критического дискурс-анализа несколько более конкретным образом. Он отмечает, что ввиду разительных отличий между дискурсами различных социальных групп, стран и эпох, универсальных методов исследования не существует (нельзя переместиться во времена Ивана Грозного и узнать у подданных царя их отношение к Опричнине, равно как и неправильным было бы рассматривать современное общественное мнение исключительно на основе журнала «Мурзилка»). Поэтому автор приводит широкий перечень методов: грамматический, прагматический, риторический, стилистический, конверсационный, семиотический, структурно-специфический и т. п. Наконец, в некоторых случаях полезными могут оказаться этнографические методы; наблюдение и эксперимент [3, с. 20–21]. Что касается наиболее востребованных исследований означенной тематики (исследований общественного мнения), то им свойственен преимущественно контекст-анализ и рассмотрение качественных

особенностей изучаемой системы текстов и речей [3, с. 79]. Таким образом, как само понятие дискурса многозначно, так и методы к его исследованию максимально плюралистичны. Впрочем, наиболее важными для дискурсивных исследований представляются взаимоотношения власти и общества, влияние дискурса на социальную сферу (и наоборот); злоупотребления власти в процессе регуляции общественного дискурса [3, с. 19]. Поэтому магистральным аспектом анализа дискурса стоит признать того, кто «заказывает музыку»: как правило, речь идет о тех или иных властных структурах либо об объединениях, стремящихся к власти [3, с. 110].

Заметим, что все подходы к дискурс-анализу берут свое начало в работах М. Фуко [11, 12]. Современная их репрезентация, даже в некотором смысле пересматривающая его концепцию, все равно базируется на тех принципах, которые были им сформулированы. Именно он является автором теории «власти-знания» [10, с. 180], учения об «агонизме» (перманентности борьбы за политическое превосходство) [5, с. 514], а дискурс в его понимании – это серия текстов и высказываний, существующая и функционирующая в одной и той же системе отношений [10, с. 175]. При этом его разумно рассматривать исключительно в свете взаимоотношений с властью: без этого компонента исследование попросту теряет смысл.

Отталкиваясь от этих же идей, американский исследователь С. Коткин весьма искусно препарирует повседневную жизнь в Магнитогорске эпохи индустриализации. Ключевой тезис данной работы заключается в рассмотрении «приемов и методов решения проблем идентичности» [9, с. 254]. Именно умение говорить так, «как сказала партия», выражать «политическую лояльность» было главным в общественной жизни той эпохи [9, с. 276]. При этом сам участник социальных процессов мог чередовать официальную риторику с просторечием или нецензурной бранью в зависимости от того, что ему было необходимо и когда для него это было выгодно [9, с. 275–276]. Таким образом, владение корпоративной лексикой являлось решающей частью социальной идентификации. А именно она в условиях динамично меняющегося общества определяла дальнейшую судьбу индивида: будет ли он заключенным ГУЛАГа или партийным функционером. Иными словами, властный язык был настоящим культурным кодом сталинизма [9, с. 296]. При этом примечательно, что С. Коткин «разворачивает» концепцию Фуко: если последний говорил преимущественно о влиянии языка на борьбу за власть и об определении властями «своего» дискурса, то здесь речь идет об индивидуальном и изменчивом применении той или иной системы выражений для упрочения социального положения.

Понимание этой же концепции трактуется с марксистских позиций при рассмотрении «казуса сознательного рабочего». При капитализме пролетариат находится в угнетенном положении потому, что его сознание сформировано эксплуатирующей его труд буржуазией (через надстройку в лице государства). Рабочие не поднимают мятеж по той лишь причине, что не понимают всей тяжести и ущербности собственного положения. В тот момент, когда эта тяжесть

будет понята, пролетариат станет «сознательным» и осуществит революцию, которая должна привести общество к «социализму» [7, с. 64].

Другой, на наш взгляд, пример использования концепции Фуко есть результат недавних исследований автора настоящей статьи. Эти работы посвящены вопросу отношения социума Императорской России к русско-французскому конфликту начала XIX в. С одной стороны, они явственно показывают, что до принятия Наполеоном императорского титула российский политический дискурс отзывался о нем практически исключительно в положительных тонах. Русское общество видело в первом консуле завершителя кровавой революции, талантливого военачальника и выдающегося государственного деятеля [2, с. 40–45]. Все изменилось с момента провозглашения Бонапарта императором французов. Это обстоятельство было умело использовано государством, вставшим на путь войны с Наполеоном. Поэтому власть изменила и дискурс: внешнеполитический противник критиковался преимущественно как «тиран» и «узурпатор», уничтоживший республиканские идеалы и политический либерализм [2, с. 45, 48]. По мере развития конфликта менялось и общественное его восприятие: если во время войны III коалиции пропаганде уделялось второстепенное значение [1, с. 92–94], то в последующий за ней межвоенный период (до октября 1806 г.) началась серьезная идеологическая работа [1, с. 98–99], достигшая своего пика в первой половине 1807 г. При этом изменялось как количественное воплощение пропаганды (что показывает контент-анализ), так и ее качественное содержание. От критики врага с либерально-республиканских позиций, отечественный политический дискурс перешел к порицанию его с более удобной клерикально-легитимистской точки зрения, пытаясь совместить ее с существовавшими ранее смысловыми конструктами.

Упомянутое выше обстоятельство в очередной раз подтверждает и другой тезис М. Фуко – учение об агонизме. Несомненно, значимость общественного мнения в демократических режимах вполне очевидна: пресса и иные формы дискурса используются в качестве формы борьбы за власть, а сама эта борьба имеет легальный характер. Однако порой кажется сомнительным наличие подобной борьбы, например, при абсолютной монархии, где все ветви власти подчиняются одному человеку, а сам императорский титул передается по наследству. Означенные выше тезисы опровергают подобные сомнения. Российской монархии начала XIX в. была важна не только постоянная и сама собой разумеющаяся поддержка ее правящего сословия, но и конкретное мнение дворян по каждому из вопросов внешней политики. Неслучайно решение о пропаганде против Наполеона принимал сам Александр I [2, с. 45; 1, с. 92], он же менял и ее внутреннее содержание по мере политической необходимости.

В заключение хотелось бы отметить, что дискурс-анализ является чрезвычайно перспективным направлением исторических изысканий не только в популярной ныне тематике социальных исследований (т. н. «social studies»). Он необходим и для верного анализа ряда аспектов других исторических работ: от военно-политической истории до микроистории и антропологии. Прежде всего, это связано с тем, что прогностическая способность истории, несмотря на свою

ограниченность и несовершенство, тем не менее, нуждается в исторических примерах взаимодействия власти и общества при массовой политике. Именно развитый дискурс является отличительной чертой современного общества, а потому его анализ весьма востребован и необходим. Вне контекста дискурса той или иной эпохи невозможно полноценное понимание ее социально-экономических реалий, а потому на любом, даже микроисторическом исследовании будет лежать печать недостоверности.

Вместе с тем, ввиду объемности понятия дискурса как такового, не стоит забывать и об отсутствии универсальной методологической основы для его анализа. Она целиком и полностью зависима от особенностей каждого конкретного случая. По этой причине приходится констатировать, что полноценное исследование того или иного дискурса возможно лишь при соблюдении всей совокупности как правил исторического исследования, так и методов тех научных дисциплин, которые привлекаются для рассмотрения той или иной ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белов А. Н.* Война или перемирие? Русское общество и Наполеон в 1805–1806 гг. / А. Н. Белов // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. – 2024. – № 24 (1). – С. 90–100.
2. *Белов А. Н.* От консула Бонапарта к императору Наполеону: взгляд из России / А. Н. Белов // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. – 2023. – № 23 (2). – С. 37–49.
3. *Ван Дейк Т.* Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. ван Дейк. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2013. – 344 с.
4. *Докторов Б. З.* Отцы-основатели: история изучения общественного мнения: монография / 2-е изд., перераб. и доп. / Б. З. Докторов. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 452 с.
5. *Егоров А. К., Каменев Е. В.* Власть языка и язык власти как постмодернистский контекст исторических исследований. / А. К. Егоров, Е. В. Каменев // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2018. – Т. 63. – Вып. 2. – С. 506–521.
6. *Ирхин Ю. В.* Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование / Ю. В. Ирхин // Социально-гуманитарные знания. – 2014. № 4. – С. 128–143.
7. *Йоргенсен М. В., Филиппс Л. Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филиппс. – Харьков: Издательство «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.
8. *Кожемякин Е. А.* Дискурс-анализ как междисциплинарная методология: исторический аспект / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 15(55). – С. 5–12.
9. *Коткин С.* Говорить по-большевистски / С. Коткин // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара. –

2001. – С. 250–328.

10. Сокулер З. А. Методология гуманитарного познания и концепция «власти-знания» Мишеля Фуко / З. А. Сокулер // Философия науки. – 1998. – Т. 4. – № 1. – С. 174–182.

11. Фуко М. Дискурс и истина / М. Фуко // Логос. – 2008. – № 2 (65). – С. 159–262.

12. Foucault M. L'Ordre du discours / M. Foucault. – Paris: Gallimard, 1971. – 88 p.

УДК 913.1/913.8

СЕЛЕНГИНСК: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ТУРИСТСКИЕ РЕСУРСЫ КЯХТИНСКОГО ТРАКТА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

Власов Александр Фёдорович

*Иркутский государственный университет, факультет бизнес-коммуникаций и
информатики, кафедра туризма
(г. Иркутск)*

Аннотация: Статья рассказывает об истории поселений и памятных мест Кяхтинского тракта, связанных с развитием прилегающих территорий, которые в известной мере касаются жизни политически сосланных в эти отдаленные края людей. В частности, это были декабристы и их родственники.

Ключевые слова: Сибирь, декабристы, история, историко-культурные туристические ресурсы.

Селенгинск – ныне нежилая историческая территория – находится при впадении реки Чикой в реку Селенга. Эта обширная площадка имеет богатую историю, связанную с освоением восточных территорий российского государства, и является местом ссылки «неугодных» подданных, развивавших и поднимающих этот благодатный край. Напротив, через реку Селенга, на высоком берегу ныне находится поселок Нововоселенгинск, который наследственно имел и оказывал однозначное влияние на развитие края.

Из столицы Бурятии города Улан-Удэ в южном направлении к границе Монголии ведет один тракт – Кяхтинский, который исторически являлся частью великого Чайного Пути из Китая в Россию и Европу.

Если следовать в Кяхту от Улан-Удэ мимо Гусиного озера, то необходимо на 118 километре уйти в левый поворот от шоссе по направлению в